

Е. А. Молев

СКИФЫ В КИТЕЕ

Статья посвящена результатам исследований скифских памятников городища и некрополя Китея. В научный оборот вводятся материалы исследований 1970—2012 гг., осуществленных С. С. Бессоновой и Е. А. Молевым и не освещенные в полной мере в свое время.

Ключевые слова: Китей, скифы, скифское время, материальная культура, погребение.

Роль варварского окружения в жизни эллинистических городов на периферии античного мира всегда была достаточно велика. Из сообщения Анонимного автора V в. н. э. (Псевдо-Скимна) мы знаем, что в древности «от Афиниона (совр. Судак) до Китея жили скифы» (Анон. PPE, 76). Скимн при этом сообщает, что раньше город назывался «Кидеака». Суффикс «-ака» свидетельствует об иранском (в нашем случае скифском) происхождении этого названия (Грантовский 1970, с. 266). Это могло быть связано с названием скифского поселка, на месте которого или недалеко от которого впоследствии была основана греческая колония «Китей». Следовательно, ближайшими соседями-варварами греческих колонистов Китея были именно скифы.

Говоря о скифо-боспорских отношениях в целом, мы можем констатировать их дружественный характер на протяжении всего периода истории от основания боспорских городов до государственного переворота, осуществленного «скифами во главе с Савмаком» (Молев 2009, с. 165). Хотя в последние годы в городах Боспора и, прежде всего, в его столице Пантикапее, обнаруживаются все больше и больше следов военных столкновений, особенно в ранний период с середины VI в. до н. э. (Шелов-Коведяев,

Толстикова 2014, с. 452—504). В какой мере они связаны с нападениями именно скифов — вопрос остается пока открытым, но в любом случае очень маловероятно видеть в них целенаправленное наступление всей Скифии на греческие колонии — слишком уж несопоставимы были силы. Это отмечал в свое время Ю. А. Виноградов, заметивший, что «*вожди номадов, подчинивших себе Предкавказье... без особого труда могли установить контроль над проливом*» и «*этот пусть даже не очень жесткий контроль... был, во-первых, легко достижим, и, во-вторых, достаточно эффективен*» (Виноградов 2005, с. 213).

Что же касается Китея, то присутствие здесь скифов и характер отношений их с греками может быть охарактеризован по находкам лепной керамики, памятников эпиграфики, а также по материалам некрополя и некоторым объектам на городище. Начнем с первой.

Сразу заметим, что «лепная керамика из раскопок античных памятников Боспора — явление весьма обычное» (Гаврилюк, Молев 2013, с. 65). В Китее она составляет не более 20 % находок из общего числа керамической посуды и 21,3 % из числа керамических светильников (Молев 2010, с. 208). Находки из раскопок 1970—2009 годов, датированные с V в. до н. э. по II в. н. э. обработаны и опубликованы (Гаврилюк, Молев 2013). Находки III—VI вв. н. э. также обработаны теми же авторами, но еще ждут своей публикации. Новые находки из раскопок 2005—2012 и 2016—2017 гг. немногочисленны и не меняют картины как в общем соотношении роли лепной керамики в керамическом комплексе Китея, так и в распределении ее по типам и хронологическим периодам истории города.

Основные генетические группы лепной керамики Китея, %

Группы лепной керамики	Время						Всего
	VI—V	IV—III	Вторая половина III — первая половина II	II—I	I—II	III—IV	
Предскифская	2	—	—	—	—	—	2,06
Кизил-кобинская	2	—	—	—	—	—	2,06
Греческая	—	57 / 73	8	66 / 67	39 / 44	12 / 22	53,4
Боспорская (скифская)	—	21 / 27	8	33 / 33	31 / 35	34 / 62	37,2
Северо-кавказская (сармато-аланская)	—	—	—	—	19 / 21	9 / 16	8,2
Количество форм	4	78	16	99	89	55	341

В ходе изучения лепной керамики Китея нами выделены образцы греческой, предскифской, кизил-кобинской, боспорской (вероятнее всего, скифской) и северо-кавказской продукции. Наибольшее количество лепной (в %) керамики включают слои IV—III вв. до н. э. и II—I вв. до н. э. (Гаврилюк, Молев 2013, с. 103, табл. 2). При этом в классический период в Китее преобладала «греческая» группа керамики, составляющая 73 % (таблица). Интересующие нас скифские изделия (боспорская группа) составляют всего около 27 %. Важно отметить, что в ее состав входят сосуды, характерные и для других боспорских городов и поселений, как Восточного Крыма, так и Таманского полуострова. Среди них горшки-кувшины, котлы, миски с отогнутым широким венчиком, необычные цилиндрической формы курительницы, чашка на невысокой ножке. Это позволяет говорить о наличии местного, вероятнее всего, скифского этнического компонента в составе обитателей города. Численность его, судя по небольшому количеству данной керамики, была невелика. И не исключено, что она была представлена, преимущественно, скифскими женами греческих колонистов.

Во второй половине III — первой половине II в. н. э. представлены обе группы керамики, но при этом сохраняется преобладание горшковидных форм с ручками, на базе которых формируется новый тип керамики — лепные кувшины.

В керамике II—I вв. до н. э. количество греческой сокращается до 67 %, в то время как число сосудов скифской посуды возрастает до 33 % (табл. 1). То есть, фиксируется некоторое (небольшое) увеличение процента скифского населения в составе жителей города. И этот процесс характерен для последующих периодов истории города. Так, в I—II вв. н. э. процент «греческой» керамики падает до 44, а «боспорской» группы посуды возрастает — до 35 %. Рост совсем уж небольшой, но вероятно это связано с появлением в этот период в Китее лепной керамики, имеющей аналогии в северокавказских

памятниках. В материалах Китея она составляет 21 %. В. П. Власов связывает это явление с проникновением на Боспор сарматских племен, а позднее — алан (Власов, 2006, с. 109).

Зато в III—VI вв. лепная керамика «боспорской» (скифской) группы становится преобладающей и составляет уже 62 %, в то время как число керамики «греческой» группы падает до 22 %, а северокавказской — до 16 %.

Таким образом, исследование лепной керамики Китея позволяет предполагать проникновение в состав его населения представителей скифского этноса с IV в. до н. э., постепенное увеличение его в эллинистический и раннеримский периоды и резкое возрастание в позднеантичный период.

Число эпиграфических памятников из Китея (граффити, надгробные и посвятельные надписи) невелико (Марти 193, с. 60—64, 72—73; Гайдукевич 1959, с. 228; КБН № 942—944; Молев 1985, с. 51—52; 2001, с. 97—103). Они дают следующие имена китейцев: для IV в. до н. э. — Деметрий, Агафон, Дий, Ханак и Сакас; для I в. до н. э. — I в. н. э. — Деметрий; для I—II вв. н. э. Мэниос, Аиносидэм, Забаг, Тасий; для III в. н. э. — Стратоник, Юлий Симмах и Юлий Психарион. Большинство из этих имен греческие. Негреческие единичны и среди них к скифским можно причислить только имена «Ханак и Сакас». Оба они имеют иранское (вероятнее всего, скифское) происхождение, хотя носителями их также вполне могли быть греки. Отец Ханака, например, носил греческое имя «Деметрий». Имя же «Сакас» (Скиф) представлено на граффити с застойной надписью. Обычай делать такие надписи — чисто греческий. Но, с другой стороны, это имя (Скиф) не встречается на Боспоре в таком варианте. Саками греки и персы называли среднеазиатских скифов. Поэтому, не исключено, что герой нашей надписи был скифом среднеазиатского происхождения.

Рассмотрим теперь материалы некрополя. Погребальный обряд в некрополе Китея, судя по опубликованным материалам (Молев, Шес-

таков 1991, с. 74—101; Молев 2014, с. 162—171; Хршановский 1998, с. 102—105; 1999, с. 83—85), преимущественно греческий. Однако, ряд погребений уже с V в. до н. э. имеет варварские черты. В ранний период это черты, свойственные скифам. Так, к скифским можно отнести разрушенное погребение 1, судя, прежде всего, по конструкции могилы (прямоугольная яма, покрытая двумя каменными плитами, ориентированная по линии запад-восток) и небольшой курганной насыпи над ней. Конструкция кургана находит наиболее близкие аналогии среди скифских погребальных сооружений Восточного Крыма (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, с. 136). Дата погребения II—IV вв. н. э.

Условно, по наличию ножа в составе инвентаря, к числу скифских можно отнести и разрушенные грунтовые погребения 5, 8 и 45. Кроме того, в погребении 5 были найдены 5 железных стерженьков неопределенного назначения и бронзовая серьга. Последняя свидетельствует о принадлежности погребения женщине. Погребение датируется I в. до н. э. С большей уверенностью, к скифским можно отнести погребения 8 и 45, где были похоронены взрослые мужчины. Дата погребения 8 — I в. н. э., № 45 — III в. н. э.

Столь же условно отнесение к числу варварских, скорее всего, скифских, разрушенных безинвентарных погребений 14 и 37 по западной ориентировке костяка, более свойственной скифам Керченского полуострова. На том же основании к ним примыкают и разрушенные безинвентарные погребения 40 и 43 с северо-западной и юго-западной ориентировкой соответственно.

К скифским же по наличию подсыпки из морского песка и гальки на дне могильной ямы могут быть отнесены безинвентарное женское погребение 30 и 31, рядом с которым, кроме того, открыто захоронение боевого коня. Остатки узды и наконечник копья у черепа коня позволили датировать последнее погребение V в. до н. э. К тому же времени, вероятно, относится и расположенное рядом с ним погребение 30.

В одном случае (разрушенное погр. 50) могильная яма заложена бутовым камнем, что характерно для скифских могил V—III вв. до н. э. в том числе и на территории европейского Боспора (Яковенко 1975, с. 34; Ольховский 1979, с. 12). Костяк умершей женщины лежал в скорченном положении на правом боку головой на северо-восток. У костей рук находились остатки бронзовых браслетов, у кисти левой руки небольшое каменное пряслице. Дата погребения неясна. Вероятность принадлежности данного погребения представительнице варварского (скорее всего, скифского) населения Китея почти не вызывает сомнений. Аналогичное погребение — могила-кенотаф 255, забутованная щебнем с самого верха и до дна, открыта и

в раскопках В. А. Хршановского (Хршановский 2004, с. 386).

Черты скифских погребальных обычаев присутствуют еще по крайней мере в 6 погребениях (№ 4, 7, 15, 22, 51, 65). Во-первых, это каменные подкурганые склепы (4, 7, 51) с многочисленными повторными захоронениями. Повторное использование могил и их многослойность отмечаются как в скифских погребениях Восточного Крыма (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 207—208) так и в центрах античного мира (Blegen, Palmer, Young 1964, p. 76—77). Это позволяет говорить о вероятности смешанных браков эллинов с представителями местного скифского населения. О том же свидетельствует грунтовое погребение 15, в котором помимо черт, свойственных эллинским погребениям (форма могильной ямы, в ногах амфора, килик, лекиф, северо-восточная ориентировка) есть нож под правым плечом и бронзовый черпак с лебединой головкой — характерный элемент скифских погребений Приднепровья (Ростовцев 1925, с. 284—285). В погребении 65 о вероятности скифского происхождения умершего свидетельствуют следы красной краски (охры) на костяке. Красная охра, как известно, применялась в погребальном обряде скифов (Артамонов 1974, с. 103).

Отметим еще раз, что все отмеченные черты погребального обряда характерны именно для крымских скифов (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 207—208), что и позволяет рассматривать их, при отсутствии других более надежных индикаторов, аргументами в пользу скифской принадлежности умерших, захороненных в перечисленных погребениях.

Таким образом, из 74 исследованных нами погребений¹ к скифским можно с наибольшей долей уверенности отнести только пять (6,7%). Еще в 12 погребениях (16,2%) присутствуют скифские черты, но полной уверенности в их принадлежности именно скифам у нас нет. Все это позволяет говорить о смешанном составе населения города, но с абсолютным преобладанием греческих традиций.

О силе влияния скифских традиций в Китее в определенной степени позволяет судить характер городского культового центра. Это огромный зольный холм-эсхара. Зольники-эсхары восходят в греческой традиции, но они есть и почти на всех скифских городищах и поселениях. Наиболее типичный скифский зольник открыт на скифском поселении у с. Николаевка Одесской области (Мелюкова 1975, с. 13—14). На Боспоре же подобные холмы, помимо Китея, открыты в Мирмекии, Илурате, на мысе Такиль. На всей этой территории жили и скифы. В азиатской части Боспора таких памятников

1. Для статистики мы использовали только материалы наших раскопок некрополя и для сравнения опубликованные материалы В. А. Хршановского.

нет, и это дает основание говорить о поддержке угасающей эллинской традиции сооружения подобных алтарей традицией сооружения таких памятников скифами (Молева 1995, с. 21).

Следов значительных разрушений, которые можно было бы связать со скифами, на территории городища нет. Находка в закладе дверного проема в помещении А на раскопе V наконечника скифской стрелы (Молев 2010, с. 54) в слое I в. до н. э. единственное свидетельство возможности враждебных отношений со скифами. Но скифскими наконечниками стрел пользовались и боспоряне, что, при отсутствии других, делает данный аргумент недостаточным.

В целом, все приведенные материалы позволяют говорить о присутствии скифов в составе населения Китея, что в определенной мере отразилось и на материальной, и на духовной культуре города.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов, М. И. 1974. *Киммерийцы и скифы*. Ленинград: Наука.

Виноградов, Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский. В: Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 211-296.

Власов, В. П. 2006. О позднескифских миграциях на Боспор. *Боспорские исследования*, XI, с. 163-176.

Гаврилюк, Н. А., Молев, Е. А. 2013. Лепная керамика Китея. *Древности Боспора*, 17, с. 65-109.

Грантовский, Э. А. 1970. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. Москва: Наука.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Марти, Ю. Ю. 1934. Новые эпиграфические памятники Боспора. *Известия ГАИМК*, 104, с. 57-89.

Мелюкова, А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.

Молев, Е. А. 1985. Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. В: Дворецкий, Е. В. (ред.). *Археологические памятники юго-восточной Европы*. Курск, с. 40-67.

Молев, Е. А. 2001. Эпиграфические памятники из раскопок Китея. *Проблемы истории, филологии и культуры*, 10, с. 97-103.

Молев, Е. А. 2009. Скифы в политической истории Боспора VI—II вв. до н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 155-165.

Молев, Е. А. 2010. *Боспорский город Китей*. Симферополь, Керчь. Боспорские исследования, Suppl. 6.

Молев, Е. А. 2014. Грунтовые погребения некрополя Китея (по материалам раскопок 1986—1988 гг.). В: Зуев, В. Ю., Хршановский, В. А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 162-171.

Молев, Е. А., Шестаков, С. А. 1991. Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972—1985 гг.). В: Молев, Е. А. (ред.). *Вопросы истории и археологии Боспора*. Воронеж, Белгород, с. 74-101.

Молева, Н. В. 1995. Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея. В: Чернышов, Ю. Г. (ред.). *Идеология и политика в античной и средневековой истории*. Барнаул: Алтайский университет, с. 3-26.

Ольховский, В. С. 1979. *Погребальные обряды населения степной Скифии*. Автореферат ... диссертации канд. ист. наук. Москва.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.

Хршановский, В. А. 1998. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968—1998. В: Хршановский, В. А. (ред.). *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 102-105.

Хршановский, В. А. 1999. Погребальный комплекс с трупосожжением I в. н. э. на некрополе Китея. В: Борисковская, С. П. и др. (ред.). *Боспорский город Нимфей*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 83-85.

Хршановский, В. А. 2004. Новые погребальные комплексы V—IV вв. до н. э. на некрополе Китея. *Боспорские чтения*, V, с. 384-390.

Шелов-Коведяев, Ф. В., Толстиков, В. П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (из истории Пантикапея начала эпохи классики). *Древности Боспора*, 18, с. 452-504.

Яковенко, Э. В., Черненко, Е. В., Корпусова, В. Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В: Лесков, А. М. (ред.). *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 136-179.

Яковенко, Э. В. 1975. *Скифи Східного Криму*. Київ: Наукова думка.

Blegen, C. W., Palmer, H., Young, R. S. 1964. *The North Cemetery*. Princeton, New Jersey: Gluckstadt, 13, 3: Corinth.

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1974. *Kimmeriysy i skify*. Leningrad: Nauka.

Vinogradov, Yu. A. 2005. Bospor Kimmeriyskiy. In: Marchenko, K. K. (ed.). *Greki i varvary Severnogo Prichernomorja v Skifskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg: Aleteyia, s. 211-296.

Vlasov, V. P. 2006. O pozdneskifskikh migratsiyakh na Bospor. *Bosporskiye issledovaniya*, XI, s. 163-176.

Gavriljuk, N. A., Molev, E. A. 2013. Lepnaya keramika Kiteya. *Drevnosti Bospora*, 17, s. 65-109.

Grantovskiy, E. A. 1970. *Ranniyaya istoriya iranskikh plemen Peredney Azii*. Moskva: Nauka.

Ilyinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Marti, Yu. Yu. 1934. Novyye epigraficheskiye pamyatniki Bospora. *Izvestiya GAIMK*, 104, s. 57-89.

Melyukova, A. I. 1975. *Poseleniye i mogilnik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka*. Moskva: Nauka.

Molev, E. A. 1985. Arkheologicheskiye issledovaniya Kiteya v 1970—1983 gg. In: Dvoretzkiy, E. V. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki yugo-vostochnoy Evropy*. Kursk, s. 40-67.

Molev, E. A. 2001. Epigraficheskiye pamyatniki iz raskopok Kiteya. *Problemy istorii, filologii i kultury*, 10, s. 97-103.

Molev, E. A. 2009. Skify v politicheskoy istorii Bospora VI—II vv. do n. e. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 155-165.

Molev, E. A. 2010. *Bosporskiy gorod Kitey*. Simferopol, Kerch. Bosporskiye issledovaniya, Suppl. 6.

Molev, E. A. 2014. Gruntovyye pogrebeniya nekropolya Kiteya (po materialam raskopok 1986—1988 gg.). In: Zuyev, V. Yu., Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Pogrebalnaya kultura Bosporskogo tsarstva*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, s. 162-171.

Molev, E. A., Shestakov, S. A. 1991. Nekropol Kiteya (po materialam raskopok 1972—1985 gg.). In: Molev, E. A. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii Bospora*. Voronezh, Belgorod, s. 74-101.

Moleva, N. V. 1995. Grecheskoye i varvarskoye v religioznom mirovozzrenii gorodskoy obshchiny Kiteya. In: Chernyshov, Yu. G. (ed.). *Ideologiya i politika v antichnoy i srednevekovoy istorii*. Barnaul: Altayskiy universitet, s. 3-26.

Olkhovskiy, V. S. 1979. *Pogrebalnyye obryady naseleniya stepnoy Skifii*. Avtoreferat dissertatsii ... kand. ist. nauk. Moskva.

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Khrshanovskiy, V. A. 1998. Nekropoli Ilurata i Kiteya. Arkheologicheskaya ekspeditsiya GMIR 1968—1998. In: Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Bosporskoye tsarstvo kak istoriko-kulturnyy fenomen*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 102-105.

Khrshanovskiy, V. A. 1999. Pogrebalnyy kompleks s trupozhzhzheniyem I v. n. e. na nekropole Kiteya. In: Borisovskaya, S. P., i dr. (ed.). *Bosporskiy gorod Nimfey*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 83-85.

Khrshanovskiy, V. A. 2004. Novyye pogrebalnyye komplekxy V—IV vv. do n. e. na nekropole Kiteya. *Bosporskiye chteniya*, V, s. 384-390.

Shelov-Kovedyayev, F. V., Tolstikov, V. P. 2014. Bospor v pervoy chetverti V v. do R. Kh. (iz istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki). *Drevnosti Bospora*, 18, s. 452-504.

Yakovenko, E. V., Chernenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. Opisaniye skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma. In: Leskov, A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma*. Kiev: Naukova dumka, s. 136-179.

Yakovenko, E. V. 1975. *Skify Skhidnoho Krymu*. Kyev: Naukova dumka.

Blegen, C. W., Palmer, H., Young, R. S. 1964. *The North Cemetery*. Princeton, New Jersey: Gluckstadt, 13, 3: Corinth.

E. A. Molev

SCYTHIANS IN KYTA

The article is devoted to the results of studies of Scythian monuments of ancient settlement and necropolis of Kytaia. In the scientific revolution, the materials of the 1970—2012 research carried out by S. S. Bessonova and E. A. Molev and not illuminated in full in due time.

Keywords: Kytaia, Scythians, Scythian time, material culture, burial.

Одержано 9.01.2018

МОЛЕВ Євген Олександрович, доктор історичних наук, професор, Нижегородський науково-дослідний університет ім. Н. І. Лобачевського, пр. Гагаріна, 23, Нижній Новгород, 603950, Росія, rector@unn.ru.

MOLEV Eugeny Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Research University. N. I. Lobachevsky, Gagarin Avenue 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russia, rector@unn.ru.